
Татьяна Савченко

К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ: ЕСЕНИН И МАЯКОВСКИЙ

Проблема личности по отношению к литературе — проблема личности писателя, личности литературного героя — исследована недостаточно. Из каких факторов складывается личность писателя? Это — и особенности его творчества, и мировоззрение, и жизненная позиция, а также поступки, суждения, высказывания... Некоторые наблюдения над взаимоотношениями крупнейших русских поэтов XX века Сергея Есенина и Владимира Маяковского, их литературно-творческими связями, а также участием В. Маяковского в борьбе с пресловутой «есенинщиной» уточняют и корректируют наши представления о личности каждого из них.

Мы Маяковского и Есенина
не променяем...

Имена двух поэтов давно привлекали внимание исследователей. Еще в 1922 г. имена С. Есенина и В. Маяковского были поставлены рядом в статье главного редактора журнала «Театральная Москва» Эм. Бескина «"Кофта" Маяковского и "скандалы" Есенина». Автор сумел разглядеть за атрибутами эпатажа обоих поэтов главное: «Мы Маяковского в "кофте" и без "кофты", — заключает Эм. Бескин, — и Есенина со всеми его "скандалами" не променяем на всю сумму "хорошо сшитых фраков" зарубежных и отечественных "эстетов", таких "корректных" и таких "солидных"» [1]. Б. Пастернак ставил в один ряд В. Маяковского и С. Есенина по принципу схожести их общеромантического мироощущения [2]. Однако в последующие десятилетия имена двух поэтов чаще всего противопоставлялись друг другу, и в основном не в пользу С. Есенина. Так, Е.И. На-

умов в 1967 г. отмечал, что С. Есенин в «понимании эпохи» «отставал» от В. Маяковского и Д. Бедного. Чтобы «сгладить» это утверждение, исследователь оговаривается, что С. Есенин «не плелся сзади всех» — были поэты, «отставшие от эпохи» еще дальше С. Есенина: например, конструктивисты. В заключение следует вывод: «Да, он [Есенин. — Т.С.] отставал от эпохи, но и обгонял многих» [3]. Время показало, что С. Есенин не нуждается в подобных оправданиях.

Наименее разработанными остаются такие аспекты проблемы «Есенин и Маяковский», как творческие связи и литературно-художественные взаимовлияния двух поэтов, а также борьба В. Маяковского с «есенинщиной».

Два крупнейших
советских поэта

Сергей Есенин и Владимир Маяковский — два крупнейших советских поэта, свидетели и участники одних событий, жившие и творившие в одно время. Известен интерес, с каким они относились к творчеству друг друга, но принадлежность к не только различным, но враждебным литературным группировкам наложила определенный отпечаток и на их взаимоотношения.

Что разделяло и взаимно отталкивало поэтов...

Исследователями уже было отмечено, что в мемуарно-критической литературе о С. Есенине и В. Маяковском 1920-х гг. бросается в глаза характерный признак: в центре внимания авторов не то, что сближало поэтов, а то, что их разделяло и взаимно отталкивало. Из сборника в сборник перекочевывали взаимно отрицательные оценки поэтами творчества друг друга, при этом особенно акцентировалось негативное отношение к В. Маяковскому С. Есенина. С одной стороны, об этом много писали мемуаристы из числа есенинского окружения. Так, И. Грузинов констатировал: «Отрицательное отношение к Маяковскому сохранилось у Есенина на всю жизнь» [4]. В. Мануйлов приводит рассуждение С. Есенина о поэзии В. Маяковского: «Про Маяковского что скажешь? Писать он умеет — это верно, но разве это поэзия? У него никакого порядка нет, вещи на вещи лезут. От стихов порядок в жизни быть должен, а у Маяковского все как после землетрясения, да и углы у всех вещей такие острые, что глазам больно» [5]. В. Эрлих вспоминает слова С. Есенина о существенной, на его, есенинский, взгляд, разнице между его поэзией и творчеством В. Маяковского: «Знаешь, почему я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань! Я вышел оттуда и, какой ни на есть, а приду туда же! А у него — шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда...» [6].

«Маяковского он не любил и рвал его книги...»

Отрицательное отношение С. Есенина к В. Маяковскому подчеркивали и литераторы из окружения последнего. В. Б. Шкловский, например, утверждал, о С. Есенине следующее: «Маяковского он не любил и рвал его книги, если находил в своем доме» [7].

«Россия моя!» — кричал С. Есенин «Возьми, пожалуйста! Ешь ее с хлебом!» — иронически отвечал В. Маяковский

«Странными» называет отношения В. Маяковского и С. Есенина В.С. Рождественский: «Их связывала тесная, никогда не утихающая неприязнь. Для Маяковского Есенин был несомненным “лирическим злом”. Он никогда не отделяя его от восторженной, не в меру чувствительной есенинской аудитории, полемизировал с ним и с ней, с иронией отзывался о есенинских поэтических приемах. Вспыльчивый и крайне обидчивый, Есенин никогда не мог ему этого простить» [8].

Эти свидетельства лиц из есенинского окружения и близких к В. Маяковскому, в общем, недоумения не вызывают. Понятны и инвективы в адрес В. Маяковского В. Шершеневича и А. Мариенгофа — ясно, что в основном они вызваны остротой литературной борьбы тех лет. Но вот свидетельство пролетарского поэта Н. Полетаева: «Есенин уже не терпел соперников, даже признанных, даже больших. Как-то на банкете в Доме печати, кажется, в Новый год, выпивши, он все приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему: “Россия моя, ты понимаешь — моя, а ты... ты американец! Моя Россия!” На что сдержанный Маяковский, кажется, отвечал иронически: “Возьми, пожалуйста! Ешь ее с хлебом!”» [9]. И далее в тех же воспоминаниях: «Затем он [Есенин. — Т.С.], по обыкновению, стал говорить, что Россия, вся Россия — его, а не моя и не Казина, а тем более не Маяковского. Я «уступил ему Россию» [10].

В воспоминаниях Н. Полетаева С. Есенин показан капризным, самолюбивым и тщеславным человеком, но не лучшим образом, только по-другому — поэтом без родины, без национальных «корней» — выглядит здесь В. Маяковский. И здесь необходимо сделать оговорку: даже при условии, что факты эти действительно имели место и переданы мемуаристами с максимальной достоверностью — делать на их основе какие бы то ни было выводы, по меньшей мере, преждевременно, это было бы упрощением такой сложной и многогранной проблемы, как литературно-творческие связи.

«Диалог Есенина с Маяковским»

Выше шла речь о действительных, «имевших место» словах и поступках двух поэтов, переданных очевидцами. Но авторы некоторых работ предприняли и другую попытку: противопоставить В. Маяковского и С. Есенина на основании никогда не произносимых поэтами, но домысленных за них диалогов — взаимных оскорблений. Мы имеем в виду брошюру В. Покровского «Диалог Есенина с Маяковским». Автор (кстати, не знакомый лично ни с тем, ни с другим поэтом) заявляет на первых страницах: «Нисколько не сомневаюсь, что В.В. Маяковский (да и С.А. Есенин, если бы жил) найдет в книге такие мысли, которые откажется принять своими» [11].

Взаимные обвинения, нападки, издевательства...

Весь «Диалог...» В. Покровского — это нескончаемый ряд взаимных обвинений, нападков и издевательств двух поэтов. С. Есенин: «Нам тесно вдвоем в современной русской поэзии. Именно между нами двумя идет великий спор о первенстве. Вам стоит поперек горла успех моих стихов. Нет такой цены, какой бы вы не заплатили за то, чтобы развенчать их, меня и мою смерть» [12]. В. Маяковский: «Тайком от самих себя вы завидуете нам, но признаться в этом для вас все равно, что скончаться в собственных глазах. И вы вешаетесь на трубах парового отопления, думая, что компрометируете этим не себя, а все трубы в мире — эти символы мирового технического гения» [13].

«Мы», «вы»... Да существуют ли реально эти мы и вы?»

Интересны только последние реплики поэтов, так и не получившие продолжения в брошюре В. Покровского: «Есенин: «Мы», «вы»... Да существуют ли реально эти мы и вы? Нет ли в Маяковских кусочков Есениных...». Маяковский: «...а в Есениных кусочков Маяковских? Разумеется, разумеется, есть...» [14].

Оба поэта встречались довольно часто

Вспомним историю более чем десятилетнего общения С. Есенина и В. Маяковского. С. Есенин заочно узнал своего будущего оппонента еще в 1914 г., с опубликования стихотворений «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер». Впервые их имена появились рядом на страницах московского ежемесячного журнала «Млечный путь» в начале 1915 г.: стихи С. Есенина соседствовали с опубликованной там же положительной рецензией о творчестве В. Маяковского. Личное знакомство поэтов относится к концу 1915 — началу 1916 г. и произошло в Петрограде — об этом рассказали В. Каменский («Жизнь с Маяковским») и сам В. Маяковский в статье «Как делать стихи?». Оба поэта встречались довольно часто и в акмеистском кафе «Бродячая собака», где наряду с И. Северяниным, М. Кузминым, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, Н. Клюевым, Г. Ивановым, Г. Адамовичем и другими читали свои стихи. Встречи их, сначала эпизодические, еще более участились и стали носить резко полемический характер в контексте вражды имажинизма и Лефа.

«Суд над имажинистами» и «Литературный суд над современной поэзией»

4 ноября 1920 г. в Большом зале консерватории состоялся литературный вечер «Суд над имажинистами» («литературный обвинитель» — В. Брюсов, «гражданский истец» — И. Аксенов). Имажинисты выступили с чтением своих произведений и в конце вечера были «оправданы» всеми двенадцатью «судьями». Через две недели, 17 ноября 1920 г., в Большой аудитории Политехнического музея имажинисты организовали ответный «Литературный суд над современной поэзией».

Полемический спор С. Есенина и В. Маяковского

Из архивных материалов позднее стало известно, что по крайней мере еще за год до этого В. Маяковский предполагал выступить в печати по вопросу об имажинизме. В бумагах редакции

московской газеты «Искусство», относящихся к концу лета 1919 г., сохранился список намеченных к печати статей, среди которых значится: «В.В. Маяковский. Об имажинизме». Статья не была написана В. Маяковским, но свое отношение к имажинизму он изложил на вечере 17 ноября 1920 г., вошедшем в историю советской поэзии тем, что на нем в полемическом споре «схлестнулись» С. Есенин и В. Маяковский. Атмосферу вечера воссоздает один из мемуаристов. «Есенин: «...Сколько бы ни куражился Маяковский, близок час гибели его газетных стихов. Таков поэтический закон судьбы агитез!». «А каков закон судьбы Ваших “кобылез”?» — крикнул с места Маяковский. «Моя кобыла рязанская, русская. А у вас облако в штанах. Это что, русский образ? Это подражание не Хлебникову, не Уитмену, а западным модернистам...» [15].

В. Маяковский: «Из всех них останется лишь Есенин»

Необходимо отметить, однако, что В. Маяковский уже тогда выделял С. Есенина из числа имажинистов. В мае 1922 г., во время пребывания в Риге, в беседе с сотрудниками рижской газеты «День» он сказал, имея в виду имажинистов: «Из всех них останется лишь Есенин» [16].

С. Есенин прекрасно понимал силу таланта В. Маяковского

Со своей стороны, и С. Есенин понимал значение В. Маяковского и отделял его творчество от творчества других лефовцев. И. Старцев свидетельствует, что С. Есенин «...из левых своих современников почитал Маяковского: — Что ни говори, а Маяковского не выкинешь. Ляжет в литературе бревном, и многие о него споткнутся» [17]. И. Грузинов вспоминает чтение С. Есениным нравящихся ему стихов В. Маяковского: «Мне нравятся строки о глазах газет: «Ах, закройте, закройте глаза газет!». И он вспоминает отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: «Мама и убитый немцами вечер» и «Война объявлена». Читает несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью» [18]. Р. Ивнев в написанной значительно позднее книге литературных воспоминаний «У подножия Мтацминды» об отношении С. Есенина к В. Маяковскому этого времени рассказывает так: «...С Есениным я не раз говорил о Маяковском и должен сказать, что Есенин прекрасно понимал силу таланта Маяковского» [19].

«Гостиница для путешественников в прекрасном»: выпады в адрес В. Маяковского

Нельзя не учитывать и того совершенно очевидного обстоятельства, что сближению двух поэтов препятствовало их окружение, причем особенно активную роль играли имажинисты. Каждый из четырех номеров их журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном» содержит резкие выпады в адрес В. Маяковского и лефовцев, «ушибленных манией всемирного масштаба» [20].

- Элегические встречи: без малейших раздоров
- Отношения двух поэтов всегда были неровными, но к 1924 г., ко времени окончательного разрыва С. Есенина с имажинистами, они во многом изменились к лучшему. В. Маяковский вспоминал о них так: «В эту пору я встречался с Есениным несколько раз, встречи были элегические, без малейших раздоров» [21]. «О встречах с ним [Есениным. — Т.С.] рассказывал потом Владимир Маяковский, чуть улыбаясь, дружелюбно и заинтересованно», — свидетельствует В. Шкловский [22]. В написанном в 1956–1957 гг. автобиографическом очерке «Люди и положения» Б. Пастернак вспоминает: «Есенин в пору недовольства имажинизмом просил меня помирить и свести его с Маяковским, полагая, что я наиболее подхожу для этой цели» [23].
- Стремление поэтов к взаимодействию
- В 1924 г. (точная дата не установлена, весной или летом) В. Маяковский вел переговоры с С. Есениным о возможном участии последнего в Лефе. Этот замысел тогда не реализовался, но важно подчеркнуть, что такое намерение у В. Маяковского было, да и С. Есенин соглашался участвовать в журнале совместно с В. Маяковским.
- Вновь перемена в отношениях: «Ну Есенин... Балалаечник!»
- К концу лета 1924 г. отношения поэтов вновь обострились. Видимо, этой переменой отчасти объясняется и факт несостоявшегося их сотрудничества. Поэты теперь постоянно обмениваются взаимными инвективами. В стихотворении «Юбилейное» (1924) в своем воображаемом разговоре с Пушкиным Маяковский уничижительно отзываясь о Есенине и крестьянских поэтах: «Ну Есенин, мужиковствующих свора. Смех! Коровою в перчатках лаечных. Раз послушаешь... но это ведь из хора! Балалаечник!» [24]¹.
- С. Есенина, конечно, стихотворение В. Маяковского задело тем более глубоко, что в нем автор таким образом «представил» его А.С. Пушкину — перед которым С. Есенин благоговел, на которого так по-детски хотел быть хоть немного похожим даже в жизни (вспомним его нелепый для 1920-х гг. «пушкинский» наряд: крылатку и цилиндр, и слова самого Есенина по поводу такого костюма: «Это очень смешно? Но мне так хотелось хоть чем-нибудь быть на него похожим...»).

¹ Нельзя не заметить, что у В. Маяковского к крестьянскому окружению С. Есенина не менее, а быть может, и более враждебное отношение, чем к имажинистам. Н.Асеев передает диалог двух поэтов, относящийся примерно к тому же времени: «Маяковский убеждал Есенина:

— Бросьте вы ваших Орешиных и Клычковых! Что вы эту глину на ногах тащите?
— Я глину, а вы — чугуна и железно! Из глины человек создан, а из чугуна что?
— А из чугуна памятники!» [25].

Характерно в этом плане, что в «Юбилейном» В. Маяковский делает резкий полемический выпад не против С. Есенина и имажинистов, а против С. Есенина и крестьянских поэтов.

С. Есенин «Пушкину»: «А я стою как перед причастьем...»

Небезразличие В. Маяковского к С. Есенину: «Шумит, как Есенин в участке...»

«Как делают стихи?» В. Маяковский

«Как делают стихи?» С. Есенин

Заметим, что в стихотворении самого С. Есенина «Пушкину», написанном в это же время и по тому же поводу — к 125-летию со дня рождения великого русского поэта, нет этого уничижительного отношения к российской поэзии вообще («чересчур страна моя поэтами нища!»), нет стремления «расправиться» с поэтами-современниками. Стихотворение «Пушкину» — очень личное, пронизано благоговейным отношением к гению русской поэзии: «А я стою, как перед причастьем...» [26].

К имени С. Есенина В. Маяковский обращается в стихотворении «Тамара и Демон» (1924), давая горному бушующему Тереку образную характеристику: «Шумит, как Есенин в участке» [27]. Примечательно, что к имени поэта-соперника В. Маяковский обратился не сразу. В черновиках произведения записан первоначальный вариант этих строк: «Бушует, как пьяный в участке» [28], видимо, затем показавшийся автору маловыразительным, обезличенным.

Одинаково ответственно относясь к поэтическому труду, С. Есенин и В. Маяковский все же по-разному представляли задачи поэтического творчества. Так, оговорившись, что нарочно заостряет, упрощает и «карикатурит» мысль, В. Маяковский определяет поэзию не иначе как ремесло, фантазируя при этом: «С моей точки зрения, лучшим поэтическим произведением будет то, которое написано по социальному заказу Коминтерна, имеющее целевую установку на победу пролетариата, переданное новыми словами, <...> сработанное на столе, оборудованном по НОТу, и доставленное в редакцию на аэроплане» [29]. «Поэзия — производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство», — утверждает он в статье «Как делать стихи?» [30], наглядно раскрывая в ней секреты поэтического ремесла. А о том, насколько точно В. Маяковским показан этот процесс, свидетельствуют записные книжки поэта. В.А. Арутчева, исследовав их, обращает внимание на то, что «каждое положение статьи наглядно подтверждено на их страницах» [31]. «Я по существу мастеровой, братцы», — говорит он о себе в «Послании пролетарским поэтам» [32]. Отсюда и самое высокое в устах В. Маяковского признание значения творчества С. Есенина в стихотворении, посвященном поэту: «У народа, у языкотворца, умер звонкий забудыга подмастерье» [33].

Конечно, С. Есенин не мог принять однозначного утверждения В. Маяковского:

Чье сердце
октябрьскими бурями вымыто,
тому ни закат,
ни моря революции,
тому ничего,

ни красот,
ни климатов,
не надо —
кроме тебя,

Революция!

Если В. Маяковский провозгласил свое сразу ставшее хрестоматийно знаменитым:

Я всю свою
звонкую
силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс [34], —

то С. Есенин — для себя — утверждал противоположное:

Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам [35].

Если С. Есенин печалился о жертвах революции:

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали [36], —

В. Маяковский, обращаясь к той же символике — *красные цветы*, — исповедовал бодро-оптимистический взгляд на будущее:

Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом Коммуны
согреет лета,
и счастье
сластью
огромных ягод
созреет
на красных
октябрьских цветах.

Индустриальные пейзажи В. Маяковского и других «стальных соловьев» резко контрастировали с лирикой природы, создаваемой крестьянскими поэтами, с их дотошным вниманием к мелочам, подробностям и деталям, тонкой психологической достоверностью изображаемого. «Трудно понимают меня бетонные и турбинные, вязнут они в моей соломе, угарно им от моих избяных, кашных и коврижных миров», — писал Н.А. Клюев С.М. Городецкому в 1920 г. [37].

Слова «массы», «коллектив» — ненавистные штампы «марксоса пленительного учения»

Новокрестьянские поэты никогда не славословили, подобно пролеткультам и лефовцам, «марксово пленительное учение», открывшееся «спасительным маяком» (стихотворение Вл.Т. Кириллова «Карлу Марксу»). Для новокрестьянских поэтов слова «массы», «коллектив» являлись ненавистными штампами, сло-

весными клише. «Золотая пролеткультовская рота, — жестко отзывается о «собратьях» по перу Н.А. Клюев в письме С. Есенину 28 января 1922 г., — кормится на подножном корму, на густо унавоженных ассигнациями советских лугах» [38]. Отвергая плакатную монументальность, лексические штампы пролеткультовцев и лефовцев, С. Есенин в «Стансах» яростно отстаивал право творческой свободы поэта:

Я вам не кенар! Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам [39].

Два противоположных мироощущения

В то время, когда пролетарские поэты и лефовцы отринули все «старое»:

Мы — разносчики новой веры,

Красоте задающей железный тон.

Чтоб природами хилыми не сквернили скверы,

В небеса шарахаем железобетон [40];

Старая Русь повешена,

И мы ее палачи... [41], —

крестьянские поэты, видевшие главную причину зла в отрыве от природных корней, от народного мировосприятия, находящего отражение в быту, самом укладе крестьянской жизни, фольклоре, народных традициях, национальной культуре:

На святыни пролетарские

Гнезда вить слетелись филины;

Орды книжные, татарские,

Шестернею не осилены <...>

Ваша кровь водой разбавлена

Из источника бумажного,

И змея не обезглавлена

Песней витязя отважного [42], —

встали на защиту этого «старого».

Если пролеткультовцы декларировали в стихотворении «Мы»:

Мы все возьмем, мы все познаем.

Пронижем глубину до дна... [43],

крестьянские поэты, полемизируя с ними, утверждали противоположное:

Все познать, ничего не взять

Пришел в этот мир поэт [44].

«Разносчики новой веры», отстаивая коллективное, отрицали все индивидуально-человеческое, все то, что делает личность неповторимой, высмеивали такие категории, как *душа, сердце* и т.д. — т.е. все то, без чего невозможно представить творчество С. Есенина.

Высокая духовность есенинской поэзии

Есенинская поэзия — одно из самых высоких в русской литературе проявлений духовности. «Я сердцем никогда не лгу», — говорил о себе поэт [45]. Его строки

...Наверно, навеки имею

Нежность грустную русской души [46]

можно поставить эпитафией ко всему есенинскому творчеству.

С этими категориями тесно связан постоянный есенинский мотив уходящей молодости:

Ты теперь не так уж будешь биться,

Сердце, тронутое холодком...[47].

Или —

Уж сердце наполнилось иной,

Кровь отрезвляющею брагой [48].

Все то, о чем писал поэт, ему родное и близкое, пропущено через его сердце. Потому так и важно для него, чтобы сердце не стало холодным и равнодушным:

Но и все ж за эту пруть,

Чтобы сердцем не остыть... [49].

Душой не гаснущий
поэт...

Если человек, пусть в самом малом, не следует искренним, естественным побуждениям души, она остывает, гаснет:

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал

И, улыбаясь, душой погас... [50].

По мысли поэта, трагично, если душа, т.е. способность сопереживать, сочувствовать, оказывается лишь временным состоянием, как любовь, молодость. В стихотворении «Прощание с Мариенгофом» он признавался:

Мне страшно — ведь душа проходит,

Как молодость и как любовь [51]

«Молю Бога не умереть душой»

«Молю Бога не умереть душой», — читаем в одном из есенинских писем [52]. Примечательно, что ту же мысль еще ранее высказывает есенинский Е. Пугачев, прибегая, на первый взгляд, к неожиданной метафоре: «Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?...» [53]. Эти слова Е. Пугачева из его монолога — заключительные. С. Есенин вкладывал в них особый смысл, акцентируя на них внимание читателя.

Свое понимание содержания нравственных категорий *душа* и *сердце* поэт передает посредством таких близких ему понятий, как *поле*, *яблоня*:

И душа моя — поле безбрежное —

Дышит запахом меда и роз [54];

Хорошо под осеннюю свежесть

Душу-яблоню ветром стряхать [55].

Можно без преувеличения сказать, что произведения С. Есенина написаны сердцем поэта, кровью его чувств. Душа — необходимая спутница поэта, его совесть и советчица:

Стоя, душа, мы с тобой проехали

Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине [56].

Поэт и власть:
Сергей Есенин

Различным образом складывались уже с первых послереволюционных лет отношения С. Есенина и В. Маяковского с органами власти. «Я уже собирался к 25 окт<ября> выехать, — рассказывает С. Есенин в письме Р.В. Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 г., — и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня как-то огорошило, оскорбило и *мне долго пришлось выветриваться*» (курсив наш. — Т.С.) [57]. Это — одно из первых впечатлений С. Есенина от пребывания в ЧК. К концу его недолгой жизни он будет пять раз на различные сроки задержан чекистами и «препровожден» во внутреннюю тюрьму московской чрезвычайки.

Поэт и власть: Влади-
мир Маяковский

Совсем по-другому складывались отношения с этим учреждением В. Маяковского, о чем подробно рассказал П. Лавут в своих впервые опубликованных в 1940 г. путевых очерках «Маяковский едет по Союзу». Вот только два примера. Во время южных гастролей поэта 6 июля 1926 г. было сорвано его выступление в клубе моряков. Наутро В. Маяковский, отложив намеченный ранее отъезд в Симферополь, отправился в райком партии, где изложил суть дела, настаивая на привлечении виновных в срыве вечера к ответственности. Райком согласился с ним. Но поэт на этом не успокоился. Предоставим слово П. Лавуту: «Спустя несколько часов мы ехали на вокзал. Проезжая мимо ГПУ, он (Маяковский. — Т.С.) прыгнул с пролетки. Вернувшись, он с удовлетворением сказал: «Доказал, что это не мое личное дело, а факт общественного значения. И они тоже согласились». Настроение его сразу поднялось. Всю дорогу он был весел» [58]. В. Маяковский, как свидетельствует П. Лавут, вообще частенько прибегал к помощи ГПУ, даже когда встречал на своем пути препятствия чисто бытового характера. Так, во время гастролей поэта в Самаре шофер присланного из гостиницы на вокзал автомобиля отказался тотчас же везти В. Маяковского и его спутника: мол, двух пассажиров недостаточно — он должен ждать следующего поезда. «Это так возмутило Маяковского, — рассказывает П. Лавут, — что он направился в ГПУ. Через десять минут он вернулся с представителем ГПУ, и тот велел шоферу подчиниться». А дальше — самое неожиданное: «Машина собиралась тронуться. Но тут Маяковский выгрузил чемоданы и заявил: «Нет, теперь принципиально едем на извозчике» [59].

Взаимные инвективы

Взаимные инвективы двух поэтов прослеживаются и в их очерковом творчестве. Если в «Железном Миргороде» (1923) С. Есенин вос-

кликает: «Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке!» [60], то в очерке «Рожденные столицы» (1928) В. Маяковский, в свою очередь, критически отзываясь о есенинских «Персидских мотивах»: «восточные сладости...» [61].

Между тем, когда В. Маяковский в статье «Как делать стихи?» отмечает, что он «с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина: от имажинизма к ВАППу» [62], несмотря на явное преувеличение масштабов этой «эволюции», автор в основном верно уловил то, что в то время С. Есенин с интересом и даже с несколько ревнивым чувством относился к поэтам, которые нашли свой путь во Времени:

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею... [63].

«Наблюдательный и чуткий Есенин глаз не спускал с Маяковского...»

Обостренное чувство интереса, с каким С. Есенин относился к В. Маяковскому, подмечает в своих воспоминаниях «Маяковский и Есенин» Н.Вержбицкий. «У Есенина, — свидетельствует он, — все время чувствовалось скрытое, но напряженное желание что-то разгадать в словах и в поведении Маяковского, уловить его тайные мысли по отдельным фразам, по мимолетным движениям. Это было видно по тому, как наблюдательный и чуткий Есенин глаз не спускал с Маяковского. Он приглядывался к нему так пытливо, словно только что познакомился» [64].

В. Маяковский о С. Есенине: «Чертовски талантлив!»

В этом плане интересно и свидетельство М. Ройзмана о том, что «в беседах да и на заседании «Ордена» Сергей говорил: хорошо бы иметь такую «политическую хватку», какая у Маяковского» [65]. Но еще более любопытно свидетельство того же мемуариста, уже относящееся к В. Маяковскому. М. Ройзман вспоминает, как однажды, придя на прием к редактору «Нового мира», «сидел в приемной и слышал, как в секретариате Маяковский громко хвалил стихи Есенина, а в заключение сказал: «Смотрите, Есенину ни слова о том, что я говорил» [66]. Неизменно высокую оценку В. Маяковским творчества С. Есенина — «чертовски талантлив!» — подтверждает и Н.Асеев [67].

Поэтические уроки В. Маяковского и С. Есенина

Поэты усвоили многое из поэтической практики друг друга. К закрепленному поэтическим опытом В. Маяковского акцентному разноударнику С. Есенин обращается в поэмах «Марфа Посадница», «Товарищ», «Инония», «Страна негодяев». В это же время С. Есенин нередко обращается к эффектным приемам звукописи, приемам гиперболизации, характерным для творчества В. Маяковского. Если ранее С. Есенин отзывался о составных рифмах своего соперника, что среди них «нет ни одной с русским лицом» [68], то впоследствии он сам увидел в их использовании средство расширения поэтических возможностей, неоднократно обра-
ща-

ясь к ним («Анна Снегина» и др.). Именно под влиянием В. Маяковского С. Есенин займется образованием отглагольных неологизмов от личных имен — *гучковееет, отколчакивай, чемберленится* и т.д. («Песнь о великом походе» и др.). То, что «стихотворные искания Есенина этих лет порой соприкасались и пересекались с экспериментами Маяковского», убедительно доказала Л.Л.Бельская, приведя в качестве примеров рифмы обоих поэтов, а также есенинские суждения о принципах рифмовки, совпадающие с размышлениями В. Маяковского о рифмах и их смысловом наполнении в статье «Как делать стихи?» [69].

(Продолжение следует)

-
1. Бескин Эм. «Кофта» Маяковского и «скандалы» Есенина //Театральная Москва. 1922. № 43. С. 9.
 2. Пастернак Борис. Охранная грамота //Воздушные пути. М., 1983. С. 272.
 3. Наумов Е.И. Некоторые вопросы изучения творчества Есенина //Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 60.
 4. Грузинов И. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М., 1927. С. 9.
 5. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 2. С. 174.
 6. Там же. С. 321.
 7. Шкловский В. Б. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1974. Т.3. С. 114.
 8. Рождественский В.С. Сергей Есенин. Из книги «Повесть моей жизни» //Звезда. 1946. № 1. С. 112.
 9. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 1. С. 299.
 10. Там же. С. 300.
 11. Покровский В. Диалог Есенина с Маяковским. Л., 1928. С. 3.
 12. Там же. С. 9.
 13. Там же. С. 15.
 14. Там же. С. 16.
 15. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 1. С. 391.
 16. Маяковский В. В. ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 13. С. 217.
 17. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 1. С. 411.
 18. Там же. С. 369.
 19. Ивнев Р. У подножия Мтацминды. М., 1973. С. 40.
 20. Шершеневич В. Великолепная ошибка //Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1923. № 2.

21. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 12. С. 95.
22. *Шкловский В. Б.* И сегодня сегодняшний //В мире Есенина. М., 1986. С. 632.
23. *Пастернак Б.* Люди и положения //Воздушные пути. М. 1983. С. 457.
24. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 6. С. 52—63.
25. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 2. С. 314.
26. Есенин С. ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 1. С. 203.
27. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 6. С. 74.
28. Там же. Т. 6. С. 435.
29. Там же. Т. 12. С. 89.
30. Там же. Т. 12. С. 116.
31. *Арутюева В. А.* Записные книжки Маяковского //Литературное наследство. Т.65. Новое о Маяковском. М., 1958. С. 328.
32. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 7. С. 153.
33. Там же. Т. 7. С. 103.
34. Там же. Т. 6. С. 249.
35. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 2. С. 97.
36. Там же. Т. 4. С. 207.
37. Цит. по: Неизвестное письмо Н.А.Клюева к Есенину /Вступ.ст., прим. и публ. К.Азадовского //Вопросы литературы. 1988. № 2. С. 274.
38. Там же. С. 277.
39. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 2. С. 135.
40. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 2. С. 30.
41. Цит. по: Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л., 1959. С. 118.
42. *Клюев Н.* Песнослов: В 2 тт. [Мюнхен], 1969. Т. 1. С. 484.
43. *Герасимов М.* Железное цветенье. Книга первая. М.-Пг., 1923. С. 86.
44. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 2. С. 80.
45. Там же. Т. 1. С. 191.
46. Там же. Т. 1. С. 205.
47. Там же. Т. 1. С. 163.
48. Там же. Т. 1. С. 191.
49. Там же. Т. 1. С. 225.
50. Там же. Т. 1. С. 288.
51. Там же. Т. 4. С. 185.
52. Там же. Т. 6. С. 150.
53. Там же. Т. 3. С. 51.
54. Там же. Т. 1. С. 215.
55. Там же. Т. 1. С. 144.
56. Там же. Т. 1. С. 215.

-
57. Там же. Т. 6. С. 117.
58. *Лавут П.* Маяковский едет по Союзу: Путевой дневник 1926—1930 // *Знамя*. 1940. № 4—5. С. 199.
59. Там же. С. 218—219.
60. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 5. С. 163.
61. *Маяковский В. В.* ПСС: В 13 тт. М., 1956. Т. 9. С. 431.
62. Там же. Т. 12. С. 95.
63. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 2. С. 105.
64. *Вержбицкий Н. К.* Маяковский и Есенин. 1969 г. РГАЛИ, ф. 2560, оп3, ед.хр. 32, л. 4.
65. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. М., 1986. Т. 1. С. 390.
66. Там же.
67. Там же. Т. 2. С. 314.
68. *Есенин С.* ПСС: В 7 тт. М., 1995—2001. Т. 6. С. 109.
69. *Бельская Л. Л.* Песенное слово: Поэтическое мастерство Сергея Есенина. М., 1990. С. 69.

